

Книжка
ФЕЛЬЕТОНЪ.

ОТКРЫТІЕ.

(Этюдъ).

...Папирса погасла.

Михаилъ Ивановичъ положилъ ее въ пепельницу и сталъ сосредоточенно мять пальцами бумагу мундштука. Онъ дѣлалъ это съ такимъ усердіемъ, какъ будто-бы уничтожая окуркъ, могъ вмѣстѣ съ нимъ уничтожить неотвязное ощущение безпокойства, смутное предчувствіе чего-то неприятнаго, тяжелаго, готоваго вторгнуться въ его жизнь, которая, онъ полагалъ, уже установилась навсегда.

Покончивъ съ окуркомъ, онъ отряхнулъ пальцы, поднесъ ихъ къ глазамъ, нашелъ, что они выпачканы и вынувъ изъ кармана платокъ, тщательно сталъ вытирать ихъ, откинувшись въ глубь кресла и высоко поднявъ свои красивыя черныя брови. По мѣрѣ того, какъ стиралась сажа съ пальцевъ, съ выразительнаго, тонкаго и самоувѣреннаго лица Михаила Ивановича исчезала неопредѣленная задумчивость, уступаая мѣсто выраженію рѣшительности.

—Надо объясниться... Это глупо—сидѣть здѣсь и воображать Богъ знаетъ что... Просто у нея нервы,—подумалъ онъ, чистя ногти маленькимъ ножичкомъ.

Смеркалось, и въ кабинетъ—большомъ, высокомъ, тѣсно заставленномъ мебелью,—стало какъ будто еще тѣнѣе. Какая-то мгла наполняла его—точно тутъ было сильно накурено и дымъ—опаловый, чуть видный глазу, висѣлъ въ воздухѣ недвижной легкой пеленой. Окна были закрыты спущенными драпри, кое гдѣ, сквозь матерію, блестяли маленькіе кусочки темнѣвшаго неба, и съ улицы доносился гулкой шумъ чьихъ-то шаговъ по панели. Больше не было слышно

никакихъ звуковъ, и это раздражало Михаила Ивановича,—ему хотѣлось-бы воспринять какое нибудь впечатлѣніе, чтобы, оживить имъ свою мысль, остановившуюся на этомъ... вчерашнемъ отвлечься отъ него какъ нибудь.

—Всего лучше идти и спросить... Прямо спросить—что такое?... Г-мъ? Неужели мы вступаемъ въ юность семейныхъ сценъ, идя по тропинкѣ брачной жизни? Пойду къ ней... Кстати здѣсь темно и душно... Онъ всталъ съ кресла, пошелъ къ двери и остановился, вдругъ ощутивъ въ себѣ желаніе снова еще разъ и точно, со всѣми деталями, вызвать въ памяти эту вчерашнюю сцену, нарушившую его внутреннее равновѣсіе.

Вчера онъ съ женой былъ въ гостяхъ у журналиста Худатова и тамъ, какъ всегда бываетъ въ этомъ домѣ,—поднимали и рѣшали разные вопросы. Общій тонъ разговоровъ былъ либеральный, а Михаилъ Ивановичъ, человѣкъ иного настроенія, терпѣть не можетъ либерализма Худатова и его компаніи. Онъ думаетъ, что это либерализмъ профессионалистовъ, либерализмъ по привычкѣ и по обязанности, нѣчто старое, узкое и поросшее плѣсенью традиціи, сквозь которую въ него не проникаетъ духъ новыхъ вѣяній, быть можетъ, и не жизненныхъ, но всетаки требующихъ, чтобы съ ними считались.

Его раздражаютъ и вызываютъ въ немъ чувство ироніи эти давно знакомыя рѣчи, эти ссылки на авторитеты, довольно таки поношенные, и на книги, порядочно уже устарѣвшія. И вотъ онъ, со свойственнымъ ему скептицизмомъ, сказалъ пару словъ о печальной способности русской мысли застаиваться на нѣкоторыхъ излюбленныхъ ею пунктахъ, объ ея наклонности къ сектантской нетерпимости и обо всемъ другомъ, что, на его взглядъ, сильно вредить ея росту и лишаетъ ее мощи и оригинальности. Ему возразили на это тѣмъ, что довольно ехидно попросили его точнѣе изяснить свою мысль. Это его задѣло. Онъ никогда не прочь развить свое положеніе, если это нужно и если его

слова будут приняты съ достаточной дозой вниманія къ нимъ, но онъ хотѣлъ бы знать, при чемъ тутъ этотъ тонъ, за которыми онъ уже чувствуетъ ярое стремленіе во что бы то ни стало вступить съ нимъ въ ожесточенную полемику?

Онъ, конечно, отдастъ должное такому стремленію; ему пріятно видѣть, что журналисты готовы и въ гостинной защищать свои тезисы съ той же горячностью, съ какою они дѣлаютъ это на столбцахъ своихъ газетъ,—но онъ находитъ, что по отношенію къ нему это совершенно излишне,—вѣдь онъ солидаренъ съ ихъ общими принципами.

Въ отвѣтъ на его слова Худатовъ,—маленькій нервозный человекъ, въ очкахъ и съ клинообразной бородкой, какъ-то странно пожевалъ своими тонкими и сухими губами и холодно, тономъ человека, сознающаго себя болѣе сильнымъ умственно, чѣмъ его противникъ, сказалъ:

— Отложимъ въ сторону вашъ вопросъ, какъ побочный и, смѣю думать, основанный на сложномъ впечатленіи—суть дѣла не въ немъ. Вы говорили о новыхъ вѣяніяхъ, якобы не проникающихъ въ сферу работы русской интеллигентной мысли, подозрѣваемой вами въ косности и въ узости. Было-бы желательно знать, какія именно новыя вѣянія вы имѣете въ виду—декадентство?

И онъ такъ посмотрѣлъ черезъ свои очки въ лицо Михаила Ивановича, точно говорилъ своими сѣрыми, острыми глазами:

— Знаю я тебя, братъ! И новое твоё знаю. Много васъ такихъ нынче, и что желаете вы провести въ жизнь подъ флагомъ новыхъ вѣяній,—тоже знаю.

Михаилъ Ивановичъ почувствовалъ себя злымъ послѣ этого взгляда; ему захотѣлось наговорить этой компаніи цѣлую кучу раздражительныхъ вещей, назвать имъ книги, которыя они еще не нюхали, идеи, съ которыми не успѣли познакомиться, явленія, которыя они упорно игнорируютъ, оставляя ихъ внѣ сферы своихъ спекуляцій въ области мысли. Все это, по его мнѣнію, су-

ществовало якобы было ново, не изслѣдовано, и отбылъ готовъ развернуть предъ ними карты ихъ недосмотровъ и пропусковъ... И именно въ этотъ моментъ его глаза встретились съ глазами его жены.

Она смотрѣла на него съ такимъ обиднымъ для него сожалѣніемъ, такимъ новымъ чужимъ ему взглядомъ, съ такой странной миной на лицѣ—что онъ изумился, смутился, готовя уже какъ-то разсѣялась въ немъ, мысли ерепутались и онъ едва не спросилъ ее слухъ:

— Что съ тобой?

Но во время ужасался, и тотчасъ же внутренне вознегодовалъ на нее за этотъ взглядъ и на себя за это смущеніе. Поправившись, онъ развернулъ фронтъ своихъ мыслей и далъ непріятное маленькое ображеніе, но споря чувствовалъ, что онъ же въ ударѣ, и слѣдя глазами за женой, все встрѣчался съ этимъ ея взглядомъ. Она первый разъ за всѣ полтора года смотрѣть на него такъ. Что она дѣлаетъ? Она своими глазами положительнымъ образомъ ему говорить, и онъ говорилъ, лохо слѣдя за собой, впадалъ въ противрѣчія, волновался, позволялъ себѣ софизмы, парадоксы, рѣзкости.

А когда онъ съ ней вышелъ на улицу, и они медленно пошли домой по пустыннымъ панелямъ, а которыхъ лежали тѣни отъ стѣнъ домовъ и отъ деревьевъ, перевѣшавшихъ сны вѣтки черезъ заборъ,—у нихъ, несмотря и его урилія, не клеился разговоръ. Женъ была задумчива, отвѣчала односложно, о уже не смотрѣла на него больше „новыми глазами“, какъ онъ съ усмѣшкой, внутренне опредѣлялъ ея странный взглядъ. Опредѣлялъ и—испугался чего-то. А вдругъ въ самомъ дѣлѣ—это новыя глаза.

— Аня, что съ тобой?—тревожно спросилъ онъ.

— Что?—здрогнула жена.

— Ты такъ... скучна сегодня... такъ задумчива.. Что это? Ты нездорова?

— О, вѣдь! это... такъ!—неопредѣленно

сказала она и мелонхалично улыбнулась ему... Эта улыбка успокоила его, онъ даже отпустилъ нѣсколько вѣдких шутокъ по адресу Худатова и его единомышленниковъ, назвавъ ихъ старовѣрами нѣтова согласія, потому что у нихъ вѣтъ умѣнья схватывать новое въ жизни и въ сущности нѣтъ интереса къ какой-либо иной жизни, кромѣ своей, журнальной. Но у нихъ зато есть умѣнье симулировать чувства, быть, напимѣръ, горячими, когда это требуется трактуемымъ нами вопросомъ, хотя искренней горячности горячности сердца въ нихъ уже нѣтъ, профессія, ремесло погасили ее.

— Оставь ихъ... — тихо сказала ему жена.

— Съ удовольствіемъ, — весело крикнулъ онъ.

И придя домой, они мирно разошлись по своимъ комнатамъ, она, какъ всегда, поцѣловала его, и въ этомъ поцѣлѣ онъ, право, не замѣтилъ ничего особеннаго.

Но сегодня, весь день она вела себя такъ странно... Какая-то задумчивая, холодная, не внимательная къ нему, сосредоточенная на какой-то большой внутренней работѣ, — сколько разъ она задѣвала его этими чуждымъ ей видомъ, этими отвѣтами невпопадъ и послѣ долгой паузы...

— Ты что — плохо спала ночь? — спросилъ онъ у нея за обѣдомъ.

— Да! — сказала она и даже кивнула головой въ подтвержденіе своего отвѣта.

— Вотъ видишь, — я говорилъ тебѣ вчера, что ты нездорова...

— Ну, пустяки!.. — махнула она рукой и этимъ жестомъ она, казалось, просила его не мѣшать ей думать свои думы. Тогда онъ ушелъ въ кабинетъ и вотъ сидѣлъ въ немъ почти четыре часа, куря и думая — что съ ней?

Теперь, возстановивъ въ памяти весь вчерашній день, онъ почувствовалъ, что его охватило безпокойство еще болѣе острое.

— Неужели, чертъ возьми, ихъ выдохшіяся рѣчи о меньшемъ братѣ и добродѣтели — дѣйствуютъ на нее? Вотъ былъ-бы

сюрпризъ!

Михаиль Ивановичъ криво и блѣдно усмѣхнулся и взъерошилъ себѣ волосы нервнымъ движеніемъ руки.

Онъ всеегда отрицалъ пользу разговоры о народѣ страны, въ которой нѣтъ людей, — нѣтъ „ядра“, истинно „культурной группы“, тѣсно сплоченной на почвѣ общаго принципа, обладающей солидными знаніями, имѣющей въ жизни опредѣленный вѣсъ и мѣсто, одушевленной сознаніемъ своей силы, пояманіемъ своей задачи и яснымъ представленіемъ о пути, вѣрнѣйшемъ къ ея разрѣшенію. А эти „тропари и кондаки, распѣваемые по адресу народа либералами по профессіи“ и по не умѣнію или, вѣрнѣе, по неимѣнію силъ быть чѣмъ-либо инымъ, болѣе опредѣленнымъ и яркимъ, эти блѣдые люди, для которыхъ ихъ „застарѣлый“ либерализмъ навѣрное такъ же неудобенъ и тяжелъ, какъ хроническій ревматизмъ — все это казалось ему ненужнымъ, не имѣющимъ цѣны, даже смѣшнымъ немного...

— Неужели? — думалъ онъ, потирая себѣ лобъ. — Ну! Не можетъ быть! Она умнѣе, выше всего этого... Она — натура тонкая, изящная, съ сильнымъ наклономъ къ эстетикѣ, чуткая ко всему красивому. А они — даже говорить мало-мальски сносно и то не умѣютъ. Она не поддается этому „гражданскому“ тону...

Онъ иронически подчеркнул „гражданскій тонъ“ и направился къ двери.

— Вотъ я тепло и славно поговорю съ ней, и все это пройдетъ у нея, — увѣренно подумалъ онъ взявшись за ручку двери и зачѣмъ-то окинулъ взглядомъ кабинетъ.

А въ немъ было уже совсѣмъ темно. Вѣтеръ ковылялъ драпри у оконъ, и они чуть слышно шелестѣли, какъ бы шепча о чемъ-то. Луна всходила, и уже одинъ ея лучъ легъ на столъ и блестѣлъ на металлѣ рамки съ портретомъ жены Михаила Ивановича. Темно и скучно, жутко было въ этой большой комнатѣ. Михаилъ Ивановичъ вздохнулъ, толкнулъ дверь и ощутилъ, какъ у

него дрогнуло сердце, когда петли двери тихонько и так жалобно взвизгнули.

II.

Жена, улыбаясь неопредѣленной улыбкой, встрѣтила его на порогѣ комнаты. Онъ быстро скинулъ ее взглядомъ съ головы до ногъ. Она была сегодня очень интересна съ своимъ овалымымъ, мечтательнымъ лицомъ, крупныя черты котораго такъ хорошо отъявлялись рамкой въяющихся, темныхъ волосъ. Глаза ея—большіе, сѣрые, миндалевидные глаза,—были немножко прищурены отъ улыбки сонныхъ, крупныхъ губъ. И пеньюаръ, пышный, бѣлый, такъ красиво лежалъ на ея стройной, высокой фигурѣ, съ округленными плечами и полной, роскошно развитой грудью.

— О, какая ты сегодня... важная! съ удовольствіемъ сказала Михаилъ Ивановичъ, обнимая ее за талию и чувствуя себя очень влюбленнымъ въ эту красивую женщину. Она просто, граціознымъ движеніемъ освободилась отъ его руки, положила ему свою лѣвую на плечо, и закинувъ правой шлейфъ пеньюара—сказала:

— А я шла къ тебѣ. Мнѣ сдѣлалось скучно...

— Представь! И мнѣ тоже самое сдѣлалось!—весело воскликнулъ Михаилъ Ивановичъ, идя рядомъ съ ней къ софѣ, стоявшей у раскрытаго окна, выходившаго въ садъ.

— Мнѣ захотѣлось поболтать съ мужемъ, — все улыбалась она.]

— Вотъ—говорить, что единеніе душъ невозможно! Я шелъ къ женѣ именно за тѣмъ же. Впрочемъ нѣтъ,—я собирался говорить серьезно.

— Ты, кажется, былъ вѣдь противъ серьезныхъ разговоровъ съ женщиной?—спросила она, уютно устраиваясь на софѣ. Онъ замѣтилъ въ ея тонѣ новую нотку и подумалъ, что, пожалуй, серьезный разговоръ нуженъ и будетъ,—хотя онъ уже рѣшилъ было не начинать его, видя ея кой славной.

— Это не касается жены.

— А! Я забыла, что жена уже не считается мужчиной за женщину,—небрежно бросила она, и опять въ ея словахъ звучало нѣчто новое. Въ немъ снова проснулась неопредѣленная боязнь чего-то неотвратимаго,—и ослобонная любопытствомъ, она составила его поторопиться разрѣшить свои сомнѣнія. Онъ сѣлъ въ ногахъ у ней, на низенькій пуфъ и взявъ ея руку, голосомъ, въ которомъ было много задумчивости, не мало любви и немножко боязни—началъ:

— Слушай, Аня,—я хочу спросить тебя... почему ты вчера, у Худатовыхъ, во время спора такъ странно смотрѣла на меня? а? Ты можешь это сказать мнѣ?

— Если-бы въ комнатѣ былъ огонь, мужъ увидалъ-бы, что его жена и теперь такъ-же странно смотреть на него, какъ она смотрѣла вчера. Но огня не было, въ окна свѣтила изъ сада луна, и ея молочно-голубое сіяніе фосфорическими бликами лежало на всемъ—на бѣлыхъ чехлахъ мебели, на паркетѣ пола, на пеньюарѣ женщины, лежавшей на софѣ—и кружева пеньюара отъ свѣта луны стали какъ бы пынѣе, облегающая стройное тѣло, какъ пѣной.

— Знаешь,—не будемъ говорить объ этомъ,—попросила она его, сдвигая брови.

— Не говорить? Смотри—удобно ли это? Такъ понемногу, ощущение за ощущеніемъ, мысль за мыслью, въ тебѣ можетъ сложиться нѣчто такое, что лишитъ меня возможности понимать тебя, что можетъ вырасти между нами въ гору, которая, въ концѣ концовъ, помѣшаетъ намъ видѣть другъ друга, разъединитъ насъ. Вѣдь вотъ именно потому-то люди и становятся чуждыми другъ другу, что забываютъ или стѣсняются выговаривать вслухъ свои мысли, не формулируютъ вовремя своихъ впечатлѣній и позволяютъ себѣ замалчивать то, что нужно-бы сказать. Я не настаиваю на моемъ желаніи, Аня, но скажу прямо: я хотѣлъ-бы, очень-бы хотѣлъ, чтобъ ты отвѣтила мнѣ.

Въ саду тихо, чуть слышно, такъ вѣжно

шумѣли листья деревьевъ, и оттуда пахло цвѣтами, землей и травой. Какая-то скромная птичка задумчиво щебетала и посвистывала въ глубинѣ темныхъ деревьевъ, съ вершинами въ свѣтѣ луны.

Женщина молчала, сосредоточенно сдвинувъ брови. Михаилъ Ивановичъ поцѣловалъ ей руку и сталъ гладить ея ладонь, съ ожиданіемъ глядя ей въ лицо.

— Какъ ты сегодня хорошо говоришь... и нѣжень... — Медленно, дѣливо выговаривая слова, точно въ полуснѣ протянула она.

— Такъ ты не станешь отвѣчать? — коротко спросилъ онъ, уже глядя ея рукой свои усы...

— Пожалуй скажу... — Но такъ хорошо сегодня, что, право, не хочется ни о чемъ говорить.

— Прекрасно — не говори! Поцѣлуй меня, и этого мнѣ достаточно...

— На сегодня, — докончилъ онъ про себя, потому что она все болѣе казалась ему новой и непонятной.

— Нѣтъ, — вдругъ повернулась она на софѣ, съ тѣмъ капризнымъ и властнымъ лицомъ, которое такъ часто бываетъ у женщинъ, сознающихъ себя сильными, и съ той рѣзкой перемѣной настроенія, которымъ обладають въ совершенствѣ только женщины, и которое, иногда, заставляетъ думать, что ихъ душа обладаетъ способностью въ одну секунду переживать года.

— Нѣтъ, я буду говорить, хотя и чувствую, что испорчу настроеніе и себя, и тебѣ... Хочешь?

Она сѣла теперь и склонилась къ нему, упираясь руками въ его плечи, а онъ смотрѣлъ на нее снизу вверхъ и чувствовалъ неодолимое желаніе обнять ее. Онъ и сказалъ ей это.

— Послѣ будемъ цѣловаться, подожди. Въ самомъ дѣлѣ, — я буду говорить. Слушай и, пожалуйста, я очень прошу тебя — не мѣшай мнѣ, не перебивай меня, не спрашивай о томъ, чего не поймешь. Но ты все поймешь: это ясно, очень ясно. Я вѣдь уже давно думаю объ этомъ. Слушай — я сдѣла-

ла открытіе... нѣтъ! я сдѣлала нѣсколько открытій — въ себя самой, въ тебѣ, въ людяхъ, въ жизни...

Въ ней вдругъ точно закипѣло что-то. Ея лицо вспыхнуло, глаза сузились, на лбу появились морщины, ноздри стали вздрагивать — это все не шло къ ней, ея лицо было болѣе красиво, когда оно было покойно...

— Открытія, да, — торопливо говорила она, снявъ съ его плечъ руки и теперь теребя своими красивыми пальцами кружева. Начну съ тебя — я посмотрѣла на тебя достаточно. Я хотѣла узнать — сильный ты? Оказалось — ты скептикъ, а скептикъ не можетъ быть сильнымъ. Умный ты? Не умнѣе другихъ. А вчера былъ... очень не умнѣе. Не обижайся — это правда. Быть можетъ, ты добрый? Ты самъ знаешь — нѣтъ! Ко мнѣ ты добръ, ты еще любишь меня.

— А ты?! — воскликнулъ онъ.

— А я просила не перебивать меня. Что есть въ тебѣ своего, оригинального, такого, чего нѣтъ въ другихъ людяхъ? Я замѣтила только одно — это твоя манера надѣвать перчатки. Больше ничего пока не замѣтила. Людей ты не любишь, они тебя — еще больше. Говорять, что ты карьеристъ... это, положимъ, не важно для меня. Самолюбивъ ты... это не порокъ, если человѣкъ умѣетъ быть самолюбивымъ, не теряя своего достоинства, ты — не всегда умѣешь, ты вчера... Но это послѣ. Вообще ты довольно таки не интересенъ, если говорить безпристрастно. Любишь ты меня... это чье достоинство — твое или мое? Ну... и что же? Я чувствую уже, что скоро я захочу чего то такого, чего ты мнѣ не дашь. Я буду искренна, я именно для того и говорю всѣ эти неприятныя вещи, что хочу быть искренней. Меня утомляетъ эта жизнь, — она, видишь-ли, пуста очень, несмотря на то, что вся заполнена. Пить чай. гулять, и завтракать, читать, обѣдать и гулять, пить чай, играть, идти въ гости, принимать гостей, идти въ театръ... это довольно таки скучно! Я какъ-то разъ, недавно, ча-дняхъ, вспомнила, что вѣдь не можетъ быть, что-

бы я родилась и воспиталась для всей этой... скуки. Заняться мнѣ филантропией? Ты знаешь, я всегда была проивъ комедіи и фарсовъ,—мой жанръ—драма..

— Да,—усмѣхаясь и кусая губы, сказала Михайль Ивановичъ.—Ты хочешь драмы... Ты уже, кажется, начинаешь е...

— Вотъ видишь?!—Она порозила ему пальчикомъ съ тѣмъ комически важнымъ выраженіемъ на лицѣ, которое гораздо болѣе шло-бы ребенку, чѣмъ ей.

— Бызали уже моменты, коца, сидя за обѣдомъ, я чувствовала желаніе зылить тебѣ на голову супъ, стащить на погъ скатерть и вообще сдѣлать что нибудь дубое и экстравагантное. Потому, что сучно, пойми ты это. Этоть вчерашній вечер! Эти ихъ мысли, ихъ рѣчи, которыя даже я, не слушая ихъ, слышала уже болѣе пятидесяти разъ, твой споръ съ ними—зачѣмъ все это? Какой во всемъ этомъ смыслъ? Какія значенія, результаты, пользу, красоту имѣютъ эти либеральныя собранія, на которыхъ говорятъ такъ много и всегда такъ мало скажутъ? Наконецъ, ты! Фи! Ты мнѣ, свѣжѣе ихъ, разнообразіе; но каждый разъ, когда ты ввязываешься въ ихъ поры—они бьютъ тебя, несмотря на остроу твоего ума, болѣе чуткаго, чѣмъ ихъ уы. Въ кругѣ ихъ идей—ты чужой, ихъ настроенія—тебѣ непонятны, а они-то всё овыъ хорошо понимаютъ тебя и еще знаешь что? у нихъ есть почва, да, есть, что хочешь говори, всетаки есть. Даже я, которой все равно—существуютъ они или нѣтъ, дже я чувствую въ нихъ много скрытой илы, силы сдвленной, но цѣльной и здоровой. Тебѣ бы не надо состязаться съ нии въ эристикѣ; ты вѣдь это дѣлаешь раи ощущеній, только ради того, чтобы бороться и въ надеждѣ побѣдить. Я думаю, то это ты напрасно, ты—какъ и всё люи твоего настроенія,—неспособны къ побѣдѣ. Ты видишь, я таки думаю кое что и понимаю кое-какъ жизнь... Но и у меня какъ у тебя, нѣтъ направленія... Хотя, знаешь-ли, я никогда не стану такой жалкой, какъ ты

вчера былъ и часто бываешь. Сколько ты потерялъ въ моихъ глазахъ во время споровъ съ ними, и какъ я, порой, бывала зла на тебя, когда они побивали тебя! Ну, скажи, зачѣмъ ты это дѣлаешь, зачѣмъ, когда это понижаетъ твою цѣнность?

— Слушай, Аня, оставь это... это не понятно тобой...—тихо сказалъ Михайль Ивановичъ, чувствуя что у него внутри творится что-то странное: то горитъ, то холодеетъ. Онъ не сводилъ своихъ широко раскрытыхъ глазъ съ ея оживленнаго лица, теперь своеобразно красиваго... Такимъ онъ еще не видалъ его.

— Не понятно? О! Но что-же? У меня нѣтъ жизни, живой, интересной жизни, жизни, которая охватывала-бы меня всю сразу и причиняла мнѣ много боли, радости, приносила-бы мнѣ все такое острое, новое... Вотъ какъ надо жить—вѣдь да? Ты самъ говорилъ не разъ, что достоинство жизни въ разнообразіи ея впечатлѣній, и чтобы жизнь была интересной, нужно обогащать ее впечатлѣніями. А гдѣ я ихъ возьму? Я уже чувствую потребность въ новизнѣ и мало этого... я понимаю, что эта потребность можетъ сдѣлать меня несчастной и навѣрное сдѣлаетъ и тебя такимъ. Смотри—мы прожили съ тобой полтора года, какъ вполне порядочные буржуа, дѣтей у насъ нѣтъ, ты меня любишь... мнѣ скучно! Мы обезпечены.—Это тоже скучно, мой другъ. И вотъ я смотрю въ будущее—тамъ тоже скучно. Ты такъ легко исчерпаемъ. Ты ничего вѣдь не дашь мнѣ новаго, развѣ вотъ теперь станешь бояться и ненавидѣть меня, за то, что я была съ тобой искренной...

— Это—всѣ твои открытія?—тихо спросилъ Михайль Ивановичъ. Онъ давно уже слушалъ ее, опустивъ голову и не глядя ей въ лицо. Въ саду все шелестѣла лиетья, шепча о чемъ-то грустномъ, и луна, выплывавая все выше въ небеса, скрадывала своимъ сіяньемъ блескъ звѣздъ. А птичка уже молчала.

— Это—всѣ мои открытія. Я резюмирую

ихъ. Скучно жить даже и тогда, когда любишь. Непремѣнно нужно еще что-то. Что? Если-бы я знала, я такъ бы и сказала тебѣ—намъ нужно вотъ что! Я не знаю, ничего не знаю,—я только чувствую, что все—и твоя любовь,—мнѣ не дорого. Я сочла нужнымъ сказать тебѣ все это, потому что вѣдь это предисловіе къ семейной драмѣ, не такъ-ли?

Она смотрѣла на него сверху внизъ, и въ глазахъ ея свѣтились и смѣхъ, и любопытство, дьявольски острое любопытство, холодное, безпощадное. Онъ все еще не поднималъ головы.

— Я не понимаю тебя... Это... творится что-то странное. Я слишкомъ уважаю тебя, что-бы тебѣ не вѣрить, и боюсь повѣрить, что ты говоришь именно о томъ, что чувствуешь. Это твое желаніе сорвать со стола скатерть и вылить на меня супъ... я думалъ надъ нимъ... мнѣ кажется оно всего ближе къ истинѣ твоего настроенія. Но почему? почему, Аня?

Онъ схватилъ ее за руки и сжалъ ихъ крѣпко и больно. Она даже поблѣднѣла отъ такого пожатія.

— Пусти!

Онъ не пускалъ. Она точно маленькихъ змѣй набросала ему въ сердце своимъ языкомъ, и онъ шевелился тамъ, внутри его и наполнялъ его горькимъ ядомъ. Ему хотѣлось кричать на нее, затопать ногами, ударить ее по лицу, увизить, заставить ее почувствовать самое себя жалкой, нуждающейся въ состраданіи... Она-бы пришла къ нему тогда... а онъ ее выгналъ вонъ и такъ отомстилъ бы ей за эти минуты. Но онъ только думалъ о такихъ чувствахъ, онъ только воображалъ ихъ—въ немъ ихъ не было. Онъ просто чувствовалъ себя какъ-бы измолотымъ какимъ-то тяжелымъ жерновомъ. Въ головѣ его ясно было одно—жизнь изломалась!

И глядя на ту, которая такъ спокойно и такъ просто изломала ее, эту жизнь, онъ изумлялся силѣ женщины. Да, такъ вотъ какъ это опасно любить! Онъ все еще жалъ

ея руки, бессмысленно уставившись въ ея лицо широко открытыми глазами, а она вырывала ихъ изъ его пальцевъ и билась и уже шептала:

— Пусти!

Наконецъ, онъ выпустилъ ихъ, понявъ, чего она хочетъ. Онъ снова сѣлъ на пуфъ, она-же встала съ софы и гнѣвно сказала ему:

— Грубо! Это не порядочно! Грубо—слышишь?

Онъ смотрѣлъ на нее: она стояла среди комнаты, въ пѣнѣ кружевъ, облитыхъ лунной, съ суровымъ лицомъ, сверкая глазами, и потирала онѣмѣвшія отъ боли руки.

— Извини! я не хотѣлъ...—тихо сказалъ онъ.—Мнѣ вѣдь тоже больно...

— Вѣднѣй... я тоже не хотѣла бы этого. Но вотъ что—ты не думай много—я еще не все сказала. Я только дала тебѣ понять, что у меня народилась новое настроеніе и что оно вотъ какое: я думаю, что это я хочу новой, иной жизни, жизни съ какимъ-нибудь смысломъ... Тебѣ надо остаться одному и подумать. Я уйду...

Все это такъ звучало въ его ушахъ, будто доносилось откуда-то издали. Потомъ щелкнулъ замокъ двери—гулко такъ щелкнулъ. Онъ обернулся—ея уже не было. Ему хотѣлось бы плакать, но мужчинамъ это всегда удается съ трудомъ. Ему не удалось. А вокругъ было такъ странно тихо и пусто, только шелестъ деревьевъ изъ сада все лился въ окно такой ласковой, задумчивой волной.

Михаилъ Ивановичъ чувствуя, что голова у него страшно тяжела, положилъ ее на софу и долго сидѣлъ такъ, неуклюжимъ комкомъ, сжимая руками виски и, все стараясь отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ. И уже когда резвѣтало, онъ медленно поднялся, наклонился къ окну и вдохнувъ въ себя много свѣжаго воздуха, въ полголоса, очень тихо, почти шопотомъ, съ глубокой болью въ глазахъ спросилъ:

— Что-же теперь будетъ?

М. Горькій.